

З а к л ю ч е н і е.

Наша промышленность прежде чѣмъ приняла ту форму фабричнаго капиталистическаго производства, въ которой мы находимъ ее теперѣ, прошла всѣ тѣ же стадіи развитія, какъ и на Западѣ. Сравнивая, напр., ходъ ея развитія у насъ и въ Англіи, мы видимъ не только сходство, но и полное гожество *). Различіе лишь въ томъ, что, благодаря болѣе позднему началу превращенія, она еще не во всѣхъ видахъ производства вполне успѣла принять форму фабричнаго, и рядомъ съ типическими фабриками мы встрѣчаемъ и переходныя ступени въ видѣ такъ-наз. конторъ для раздачи основъ съ домашнимъ ткачествомъ и размоткой пряжи, подобно существовавшимъ въ Манчестерѣ во второй половинѣ прошлаго столѣтія, и совсѣмъ первичныя въ видѣ кустарнаго производства, быстро однако падающаго и превращающагося въ производство фабричное, т. е. въ ту форму его, когда рабочій теряетъ всякую самостоятельность и всякую связь съ выработаннымъ товаромъ и изъ собственника его превращается въ покорную единицу сложной организаціи, стоящей вѣ его контроля, — не болѣе какъ въ наемника, продающаго свой трудъ.

Развитіе системы производства, носящей названіе капиталистической фабричной, у насъ не совпало съ замѣной ручного труда машиннымъ и по-тому не сопровождалось тѣми крупными явленіями, которыя заставляютъ экономистовъ Запада называть конецъ прошлаго столѣтія эпохой революціи въ промышленности. Одною изъ наиболѣе сильныхъ причинъ, по которой мы отстали отъ Запада, было крѣпостное право. Благодаря ему наша промышленность пережила гораздо болѣе длинный періодъ кустарнаго и домашняго производства. Только съ 1861 года капиталъ приобрѣлъ возможность осуществить ту форму производства, къ которой на Западѣ оно перешло почти полтора столѣтія раньше, и только съ этого года начинается болѣе быстрое паденіе кустарнаго и домашняго производствъ съ превращеніемъ ихъ въ фабричное. Но замѣна ручного труда машиннымъ началась гораздо раньше; она шла очень медленно и постепенно, — крѣпостной трудъ на кабалныхъ

*) См. описаніе хода ея развитія въ Англіи у Whateley Cooke Taulor, *The Modern Factory System*. 1891, стр. 29—35.

и посессіонныхъ фабрикахъ былъ слишкомъ дешевъ, чтобы побуждать первыхъ фабрикантовъ (были ли то помѣщики — дворяне или купцы) предпочитать ему машинный, требующій большихъ денежныхъ затратъ, — тѣмъ не менѣе процессъ замѣны уже шелъ, и въ періодъ болѣе быстрого развитія, начиная съ 1861 г., новой капиталистической формы производства, нашедшей дешевый трудъ бывшихъ крѣпостныхъ, онъ лишь усилился.

Но за 30 лѣтъ все измѣнилось. Вступивъ на общій съ Западной Европой путь экономическаго развитія, наша промышленность неизбежно, роковымъ образомъ, должна была принять — и приняла ту самую форму, въ какую она вылилась на Западѣ. Земельное обезпеченіе народной массы, на которое такъ любятъ ссылаться, въ доказательство невозможности у насъ особаго класса свободныхъ отъ всего рабочихъ, — класса, представляющаго неизбежнаго спутника современной формы промышленности, — безъ сомнѣнія было и остается до сихъ поръ сильнымъ задерживающимъ моментомъ, однако вовсе не настолько сильнымъ, какъ обыкновенно думаютъ. Очень нерѣдка недостаточность земельного надѣла и полный упадокъ сельскаго хозяйства, съ одной стороны, и усиленная забота правительства, въ цѣляхъ развитія обрабатывающей промышленности, какъ необходимаго элемента для равновѣсія экономическаго баланса государства, съ другой, — такія условія, которыя какъ нельзя болѣе способствовали и способствуютъ до сихъ поръ умаленію значенія этого земельного обезпеченія. Результатъ такого положенія вещей мы видѣли: образованіе спеціального класса фабричныхъ рабочихъ, — класса, попрежнему носящаго названіе „крестьянъ“, но неимѣющаго съ крестьянами-земледѣльцами почти ничего общаго, лишь въ ничтожной степени сохранившаго свою связь съ землею и наполовину уже въ третьемъ поколѣніи не покидающаго фабрикъ никогда и не имѣющаго въ „деревнѣ“ никакой собственности, кромѣ юридическаго, практически почти не реализуемаго права на землю. Какъ видно, стремленія нѣкоторыхъ промышленниковъ сформировать „наслѣдственнаго рабочаго“ *) не остаются безуспѣшны. Но эти „передовые“ промышленники забываютъ, что берутся за палку о двухъ концахъ. Они забываютъ, что насаждая „наслѣдственнаго рабочаго“, рабочаго, приспособленнаго спеціально для фабрики, они тѣмъ самымъ насаждаютъ и все то, что неразрывно связано съ этимъ „наслѣдственнымъ рабочимъ“, т. е. попросту фабричнымъ пролетаріемъ.

Какъ ни странно, но, обыкновенно, когда у насъ говорятъ о фабричной промышленности, то видятъ лишь одну сторону дѣла. Говорятъ о желательномъ развитіи фабричной промышленности для удешевленія продуктовъ производства, выгоднаго для всего населенія, для конкуренціи съ другими государствами на иностранныхъ рынкахъ, выгоднаго и для самихъ рабочихъ и фабрикантовъ (доставленіе заработковъ и прибыли), и въ политическихъ цѣляхъ и т. д. и т. д. Говорятъ такъ, какъ будто процвѣтаніе фабрикъ есть цѣль сама по себѣ и однозначуще съ общественнымъ благосостояніемъ. Но никто не задается вопросомъ: какую же цѣною достигается

*) См. „Новое Время“, 17 сент. 1894 г. (№ 6664).

это кажущееся благосостояніе? Что выиграло населеніе, бросивъ свой домъ, свое убогое хозяйство, и поставивъ себя въ полную зависимость отъ современной фабрики съ ея машинами? Съ тѣхъ поръ, какъ Рикардо въ своихъ „Началахъ Политической Экономіи“ сознался въ ошибочности своего первоначальнаго взгляда и призналъ, что „употребленіе машинъ часто наноситъ ущербъ интересамъ рабочихъ“, съ тѣхъ поръ, какъ Джонъ Стюартъ Милль усомнился, что „всѣ механическія изобрѣтенія облегчили дневной трудъ хоть одного живого существа“, въ политико-экономической литературѣ накопилось слишкомъ достаточно оснований, чтобы сказать, что введеніе машинъ послужило и служигъ къ выгодѣ всѣхъ, кромѣ самихъ рабочихъ. „Исторія всѣхъ нашихъ текстильныхъ мануфактуръ, говоритъ позднѣйшій изъ разсматривавшихъ этотъ вопросъ авторовъ, показываетъ, что усовершенствованіе машинъ, удешевленіемъ продуктовъ производства и соотвѣтственнымъ расширеніемъ рынка, *дастъ занятіе постоянно возрастающему количеству рукъ*, и, тѣмъ не менѣе, съ кажущимся преуспѣяніемъ, *положеніе рабочихъ классовъ дѣлается все хуже и хуже*“ *).

Всѣ тѣ логическія послѣдствія введенія машиннаго труда и неразрывно связанной съ нимъ фабричной системы, которая испытала и отъ которыхъ всячески старается избавиться Западная Европа, мы видимъ у себя уже въ полномъ расцвѣтѣ.

Неустойчивость труда вслѣдствіе перепроизводства, всею своею тяжестью отражающуюся прежде всего на рабочихъ, — явленіе почти невозможное при прежней системѣ производства, или если и возможное, то во всякомъ случаѣ въ несравненно болѣе слабой степени, — мы уже испытывали не разъ и еще не такъ давно испытали въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ.

Усиленная эксплуатация женскаго и дѣтскаго труда съ соотвѣтственнымъ пониженіемъ оплаты труда мужского — также на лицо. Машина упразднила и силу, и искусство и взаимъ этого дала такое дробленіе труда на ничтожныя спеціализаціи, при которыхъ непрерывное продолжительное повтореніе простыхъ механическихъ движеній, не требующихъ напряженія ни мышцъ, ни ума, самого человѣка превращаетъ въ безмысленную машину и не только задерживаетъ развитіе тѣла и ума, но разрушаетъ тѣло физически и притупляетъ умъ. Въ этомъ великомъ изобрѣтеніи цивилизаціи—дробленіи труда, по выраженію Рёскина, дѣлится вовсе не трудъ, но самъ человѣкъ, и остающейся ему крохи ума недостаточно даже на то, чтобы быть способной сдѣлать булавку или гвоздь, но вся эта кроха исчерпывается на дѣланіи острія булавки или шляпки гвоздя **).

Продолжительность денного труда, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія державшаяся на границѣ физиологической его возможности—на 10 часахъ ***), вошедшихъ даже въ законодательную норму ****), возросла до 14 и 15 часовъ

) Schield Nicholson. The Effects of Machinery on Wages. 1892, стр. 42.
Курсивъ автора.

*) The Stones of Venice, II, гл. VI.

[***) Конечно здѣсь идетъ рѣчь о свободномъ, а не крѣпостномъ трудѣ

****) Ремесленное положеніе императрицы Екатерины II 1785 г.

въ сутки. И въ то же время машина уничтожила различіе между днемъ и ночью.

Въ какой степени выполнили у насъ машины свое истинное назначеніе сократить и сберечь трудъ рабочаго—мы видѣли въ главѣ II. Не сокративъ продолжительность труда ни на іоту, фабрика увеличила его тягость тою невозможной обстановкой, въ какую она поставила рабочаго, какъ ставила всегда и вездѣ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, въ дѣло не вмѣшивалась государственная власть. Мы подробно разсмотрѣли эти условія и ихъ послѣдствія въ главѣ IV. Мы не нашли здѣсь ничего новаго и лишь констатировали существованіе у насъ все того же, что столько разъ наблюдалось. Обсуждалось и описывалось на Западѣ и въ особенности въ Англіи. Промѣнявъ убогую, покривившуюся, но *свою*, избенку на монументальную фабрику. бросивъ свою наполовину не обезпечивавшую его (но далеко не всегда по недостатку) землю, бросивъ домашнее производство въ видѣ ли кустарнаго или въ видѣ поставки товара „на фабрику“ (контору), бросивъ потому, что у него вырвала изъ рукъ эту работу настоящая, машинная фабрика, съ которою онъ боролся до послѣдняго предѣла пониженія своей заработной, — бросивъ все и придя съ семьей на ту же фабрику продавать свой трудъ, что получилъ рабочій? Физическую и нравственную гибель.

Превращая день въ ночь, истощая до крайности силы рабочихъ только за одно обезпеченіе отъ голода, фабрика разрушила лишнюю для нея семью и стерла у рабочаго весь тотъ и безъ того ограниченный кругъ нравственныхъ понятій и традицій, которыми живетъ наша деревня. Потерявъ прежнія, можетъ-быть и невѣжественныя, можетъ-быть и отсталыя отъ вѣка узлы нравственности и обычая, что получилъ фабричный рабочій взамѣтъ? Но если вся жизнь его проходитъ въ работѣ, въ снѣ и въ кабацѣ, — гдѣ, когда и у кого могъ бы онъ получить что-либо? При всѣхъ тѣхъ условіяхъ работы и жизни нашихъ фабричныхъ рабочихъ, какъ они были описаны нами, существованіе семьи немыслимо, нравственное же и умственное одичаніе рабочаго сдѣлало ее даже лишнею, ни къ чему ненужною обузой и упростило отношеніе половъ... до простоты отношеній ихъ на скотномъ дворѣ. Полное отсутствіе какой бы то ни было правильно поставленной статистики, могущей характеризовать состояніе нравственности фабричныхъ рабочихъ, не даетъ намъ возможности подкрѣпить наше, сложившееся подъ впечатлѣніемъ всего того, что мы видѣли на фабрикахъ (живя на нихъ недѣлями и мѣсяцами), мнѣніе объективными цифрами. Но что можно ожидать на этихъ фабрикахъ, гдѣ, по словамъ самихъ фабрикантовъ, съ четырнадцати-лѣтняго возраста нѣтъ ни одной невинной дѣвочки, ни одного невиннаго мальчика, хорошо знающаго притомъ и вкусъ водки? Всматриваясь во всѣ подробности фабричной жизни въ теченіе многихъ лѣтъ, мы искали, искали всѣми силами хотя бы одну какую-нибудь черту, которая дала бы возможность сказать — „да, это шагъ впередъ противъ „некультурной“ нашей деревни, но не нашли ничего“.

Мы не примемъ упрека въ желаніи возвратиться къ старому, въ оплакиваніи „добраго стараго времени“ съ его патріархальными отношеніями, за

которыми скрывалось столько печального и дикаго. Было бы слишкомъ наивно желать, а тѣмъ болѣе предполагать возможность возвращенія къ первобытнымъ формамъ производства съ ручнымъ трудомъ и остановки быстрого распространенія машиннаго производства. Но позволительно спросить: составляетъ ли концентрація труда и капитала, съ предсказаннымъ еще Баббеджемъ ростомъ размѣровъ фабрикъ, неизбежное послѣдствіе машиннаго производства? Составляетъ ли переживаніе всего того, что пережилъ и переживаетъ теперь Западъ, роковую необходимость, отъ которой ничто насъ не можетъ спасти? Составляетъ ли уже несуществующее и сохранившееся, какъ мы видѣли, лишь у ничтожнаго числа рабочихъ по нѣсколькимъ ручнымъ производствамъ, но въ высшей степени желательное, соединеніе земледѣльческаго труда съ фабричнымъ, соединеніе, которое считаютъ возможнымъ многіе изъ наблюдательныхъ фабрикантовъ, сознававшихъ въ бесѣдахъ съ нами весь вредъ современной фабрики, составляетъ ли это у насъ, въ Россіи, при существующихъ особенностяхъ распредѣленія земельной собственности и климатическихъ условій, эфемерную утопію? Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы считать себя сколько-нибудь компетентными на попытку отвѣтить на всѣ эти вопросы. Но надо умышленно закрывать глаза, чтобы не видѣть, что одно изъ средствъ не только измѣнить, но хоть сколько-нибудь улучшить дѣло — это энергическое вмѣшательство государственной власти и въ область промышленной дѣятельности страны, путемъ широкаго фабричнаго законодательства, направленаго въ защиту массы населенія, разумѣется, въ связи съ другими общественными реформами.

Опытъ системы свободной конкуренціи кажется далѣе достаточно осязательные результаты, и защитники теоріи *laissez faire* сбиты съ позиціи не столько противниками-теоретиками, сколько этими очевидными для всякаго, сколько-нибудь безпристрастнаго наблюдателя, грубыми фактами жизни. Последняя попытка ихъ найти себѣ поддержку въ біологіи привела лишь къ тому, что они были поражены ихъ же оружіемъ. Теоріи естественнаго подбора Дарвина, внушенная ему впервые, какъ говоритъ онъ самъ въ письмахъ, чтеніемъ „Опыта о народонаселеніи“ Мальтуса, съ ея борьбой за существованіе и съ ея переживаніемъ приспособленнѣйшихъ, на первый взглядъ какъ будто и въ самомъ дѣлѣ оправдывала теорію „свободной конкуренціи“ и всякое вмѣшательство государственной власти заранѣе осуждала какъ безплодное и вредное нарушеніе всеобщаго закона органической жизни. Но эволюціонисты зашли слишкомъ далеко и дошли до абсурда. Смотри на человѣка съ узкой точки зрѣнія его живой природы, они умалили его силу и забыли, что, живя въ сообществѣ себѣ подобныхъ и обладая такою способностью развиваться уметвенно, какой остальные живыя существа на землѣ не имѣютъ, человѣкъ съ такою, постоянно возрастающею, силой воздѣйствуетъ на окружающую физическую природу и самъ создаетъ такую новую „общественную среду“, что органическій законъ получаетъ совершенно иное значеніе, чѣмъ въ прочей органической жизни, ибо приспособленнѣйшими бывають уже не сильнѣйшіе и лучшіе въ физическомъ и нравственномъ отношеніи, но наиболѣе примѣнившіеся къ новой средѣ, какая бы она ни была.

На такомъ шаткомъ основаніи теорія общественной нравственности стоять не можетъ, и какъ бы краснорѣчиво Спенсеръ ни доказывалъ вредъ вмѣшательства государства въ область человѣческихъ отношеній, — что это вмѣшательство приведетъ къ новому рабству, — это не убѣдитъ уже никого *). Вся исторія цивилизаціи человечества есть не болѣе какъ рядъ усилій выбиться изъ сферы закона борьбы за существованіе и возможно больше ограничить не только индивидуальную борьбу каждаго противъ всѣхъ, но и борьбу между народами. Наука уже осудила теорію свободной конкуренціи, во имя которой столько было сдѣлано зла и преступленій: „Для нея, говоритъ Родбертусъ, теперь настало время, когда ее можно сравнить съ мертвымъ рыцаремъ, съ котораго одно за другимъ спадаетъ его вооруженіе“ **). А практика дала такіе результаты, что сами же защитники свободы промышленности сознаются въ пользѣ вмѣшательства государства.

Достаточно вспомнить примѣръ Англіи, гдѣ всѣ неблагопріятныя послѣдствія капиталистической промышленности съ концентраціей производства и замѣной ручного труда механическимъ сказались съ наибольшею силой; но здѣсь же раньше и яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо, обнаружались и благотѣльные послѣдствія вмѣшательства государственной власти. Идя шагъ за шагомъ за выяснявшимися требованіями жизни, путемъ законовъ, все болѣе и болѣе суживающихъ поле дѣйствія „свободной борьбы за существованіе“, Англія поставила промышленную дѣятельность въ такое положеніе, что значительно устранились всѣ тѣ печальныя явленія, которыя обнаруживаются нынѣ у насъ въ пышномъ расцвѣтѣ. За 50 лѣтъ, съ 1833 г., когда фабричное законодательство Англіи перестало существовать лишь на бумагѣ и стало постепенно расширяться, къ 1884 году ***) чрезмѣрная продолжительность труда исчезла и не превосходила, какъ мы видѣли (стр. 101) 10 часовъ въ сутки, между тѣмъ какъ заработная плата по всѣмъ производствомъ повысилась, и притомъ въ громадномъ большинствѣ производствъ — на 50—100%. Но это повышение заработной платы произошло совсѣмъ не отъ вздорожанія жизни. Напротивъ, цѣны на предметы потребленія рабочихъ значительно понизились, въ особенности на жизненные припасы (напр. на хлѣбъ) и вообще на предметы первой необходимости. Результатомъ этого было несомнѣнное, доказывающееся статистически, повышение благосостоянія рабочихъ, приведшее къ пониженію смертности, въ особенности дѣтей, къ повышенію средней продолжительности жизни, и къ такому подъему общаго и специально-техническаго образованія ихъ, о какомъ мы можемъ пока только мечтать.

Какъ только государственная власть, побуждаемая стремленіями самихъ рабочихъ и рабочими союзами (давно уже измѣнившими въ Англіи свой прежній, болѣе или менѣе насильственный и противозаконный образъ дѣйствія

*) См. его „Изученіе Соціологіи“, гл. XIV, въ особенности стр. 521—532 (русск. пер.). См. также „Грядущее Рабство“ (русск. пер. отдѣльной брошюрой).

**) C. Rodbertus-Jagetzow. Kleine Schriften. 1890. Статя о нормальномъ рабочемъ днѣ.

***) R. Giffen. The Progress of the Working Classes. 1884.

и перенесшими его на почву лояльнаго отстаиванія своихъ интересовъ и самопомощи), изъ пассивнаго зрителя послѣдствій „свободы промышленности“ перешло къ активной дѣятельности и твердо ступила на путь вмѣшательства, такъ тѣ самыя условія новой формы промышленности съ концентраціей капиталовъ и орудій производства, которыя раньше приводили къ большому и большому ухудшенію положенія рабочихъ, получили совершенно обратное значеніе. Они повели не только къ улучшенію положенія рабочихъ и къ согласованію, казавшихся раньше противоположными, интересовъ труда и капитала, но и къ выгодѣ всего населенія, къ удешевленію товаровъ путемъ усовершенствованія техники производства. Именно этому вмѣшательству государства обязана Англія прежде всего тою метаморфозой, которую такъ галантново обрисовалъ Шульце-Геверницъ въ своей книгѣ *Der Grossbetrieb*.

Безъ сомнѣнія, фабричная промышленность, [какъ одно изъ звеньевъ общественной жизни, предметъ слишкомъ сложный, слишкомъ тѣсно связанный со всѣми прочими условіями экономической и политической жизни государства, чтобы допускать вмѣшательство безъ достаточной осторожности и постепенности. Но объ этомъ почти не приходится заботиться, благодаря сильнѣйшему противоудѣйствію фабрикантовъ-капиталистовъ, которымъ выгодно это состояніе анархін, и [которые такимъ образомъ являются естественными регуляторами хода дѣла. У насъ, въ Россіи, гдѣ господствующая теперь система фабричной промышленности еще не успѣла пустить глубокихъ корней, дѣло еще проще. Мы еще не дожили до того обостренія „борьбы за существованіе“, какое мы видимъ на Западѣ, но потокъ жизни несетъ къ нему и насъ, наша предшествовавшая беззаботность все уже къ этому подготовила, и если мы забудемъ, что *gouverner — c'est prévoir*, то не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать у насъ все то же, чѣмъ страдаетъ теперь вся Западная Европа.

